

ма для правительства, кажется маловероятной — не больше, чем «слух», как отмечает Мустье.

¹⁸ Никакой полезной для нас информации не содержится ни во французских донесениях из Франкфурта, ни в британских депешах оттуда, а также из Берлина.

¹⁹ См. статьи в этой газете: «Die Fez-Anbeter. I—V» (подпись: «С») от 5—10 июля; «Deutschlands Chimären. I» (подпись: «A. Weill») от 7 июля; «Der Siebente Juli» (без подписи) от 8 июля.

²⁰ Ср.: Н.-Д. Фишер. Deutsche Zeitungen des 17. bis 20. Jahrhunderts. Pullach bei München, 1972, p. 209—215 и J. S. Wozniak. «Hermann Wagener's Corporative Social Monarchy», unpublished dissertation, University of Connecticut, 1969, p. 79—103.

²¹ Р. Р. О., F. O. 64356, депеша № 284 от 15 июля 1853 г. от Дж. Блумфилда лорду Кларендону.

²² Там же, депеша № 300 от 29 июля 1853 г. от Блумфилда Кларендону.

²³ Archive du Ministère des Affaires étrangères. Paris, Corr. Pol. Prusse, vol. 314, ff. 124., 124a, 125.

²⁴ Ср. прим. № 19.

²⁵ Тильзитский договор (1807), в котором Наполеон навязал тяжелые условия победившей Пруссии.

²⁶ Ср.: ПСС 1912, с. 336—337, 338, 342, 346; ср. также: СН, кн. 19, с. 105; СН, кн. 22, с. 279, 281.

²⁷ А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, с. 322.

²⁸ К.-А. Варнгаген фон Энзе. Tagebücher, Bd. X. Hamburg, 1868, S. 323.

²⁹ Г. В. Стадников. О фактах и вымысле (к вопросу о встрече Ф. И. Тютчева и Г. Гейне в 1853 г.). — РЛ, 1981, № 2, с. 165—169.

³⁰ Там же, с. 166. На той же странице в предшествующем примечании Стадников сам путает номера страниц в монографии Пигарева (с. 323 вместо 64).

³¹ Там же, с. 167. Этим другим посетителем была английская писательница Люси Дафф-Гордон.

³² Ср.: Н. Нобен. Gespräche mit Heine. Potsdam, 1948, S. 953.

³³ Стадников. Указ. соч., с. 167—168.

³⁴ Heine. Säkularausgabe, Bd. 23. Berlin — Paris, 1976, S. 291—292. Текст частично и неточно воспроизведен в «Auktionskatalog Henrici», N 151. Berlin, 1929, S. 8—9.

³⁵ Ibid., Bd. 23K, S. 146.

³⁶ Н. Heine. Briefe, Bd. 3, Mainz, 1950, S. 477; Bd. 6. Mainz, 1951, S. 168. Барон Иоганн Веске фон Путтлинген (1803—1883) был австрийским государственным деятелем и композитором.

³⁷ Heine. Säkularausgabe, Bd. 23K, S. 145.

³⁸ Сведения о Шевалье изложены в кн.: F. Mendel. Heinrich Heine. Chronik Seines Leben und Werkes. Berlin, 1970, S. 294.

³⁹ Письмо от 18 марта 1855 г. — Heine. Säkularausgabe, Bd. 23, S. 413.

⁴⁰ Письмо к К.-А. Варнгагену фон Энзе от 1 апреля 1828 г. — Ibid., Bd. 20, S. 323.

⁴¹ Письмо от 1 октября 1828 г. — Ibid., Bd. 20; S. 345—346.

⁴² Посланы были: К. Е. Вехсе. Geschichte der deutschen Höfe seit der Reformation. Bd. 7—17; Idem. Geschichte des österreichischen Hofes und Adels und der österreichischen Diplomatie. Hamburg, 1851. Не были посланы: Bd. 18—22. Geschichte der Höfe des Hauses Braunschweig in Deutschland und England. Hamburg, 1851; эти тома, в которых речь шла также о Ганновере, сохранились в мемориальной библиотеке Гейне в Дюссельдорфе.

⁴³ Ф. Хирт предполагает, что это была княгиня Бельджойозо (Христиана Бельджойозо-Тривульцио), которая пыталась вернуть свои владения в Италии, конфискованные австрийцами.

⁴⁴ Предположение, что Тютчев посетил Гейне некоторое время спустя после 20 сентября 1853 г., чтобы передать книгу от А. фон Мальтица (ср.: Heine. Säkularausgabe, Bd. 27, S. 13 и Bd. 27K, S. 117—118), ошибочно, поскольку в это время Тютчев вернулся в Россию.

II. ЕЩЕ О ЗАГРАНИЧНОЙ ПОЕЗДКЕ ТЮТЧЕВА В 1853 Г.

Сообщение А. Л. Осповата

В насыщенном новыми фактическими материалами сообщении Р. Лэйна поставлен целый ряд вопросов, нуждающихся в дальнейшей разработке. Ниже мы остановимся на тех, которые непосредственно связаны с пребыванием Тютчева в Париже летом 1853 г.

Но сначала — краткий исторический экскурс. Как известно, еще в 1850 г. возник дипломатический спор о «святых местах» (Иерусалиме и Вифлееме), входивших в турецкие владения. Луи Наполеон добивался, чтобы султан гарантировал приоритет католического духовенства, а Николай I настаивал на восстановлении привилегий православного (греческого) клира. В конце 1852 г. спор вновь обострился, и с тех пор напряженность в отношениях меж-

ду двумя государствами возрастала с каждым месяцем. В январе—феврале 1853 г. Николай I провел несколько бесед с английским послом Дж. Сеймуром, выказав намерение заключить с Англией союз для окончательного раздела Османской империи (без участия Франции)¹. Не встретив в Лондоне поддержки своей идеи, Николай I, однако, не допускал возможности присоединения Англии к франко-турецкой коалиции против России. В марте 1853 г. в Константинополь прибыл чрезвычайный посол Меншиков, который потребовал от султана подписания специального договора с Россией, предусматривавшего не только решение спора о «святых местах» в пользу православной церкви, но и признание права царя покровительствовать всем православным подданным султана; убедившись в том, что Англия и Франция готовы выступить на стороне Турции, султан отверг предъявленные условия². 9/21 мая 1853 г. Меншиков покинул Константинополь; через десять дней, 19/31 мая, Нессельроде уведомил турецкого министра иностранных дел о предстоящей ответной акции — введении русских войск в Дунайские княжества (Молдавию и Валахию), 13/25 июня английская эскадра встала у входа в Дарданеллы, на следующий день сюда прибыла и французская эскадра.

Тютчев, живо интересовавшийся большой политикой, в данном случае имел все основания считать себя причастным к происходящим событиям. Сообщая Эрн. Ф. Тютчевой о поездке посольства Меншикова через старую столицу (в письме от 26 января 1853 г. из Москвы), он отмечал также, что в обществе начали открыто говорить о великом назначении России на Востоке³. Пророчество о том, что через четыреста лет после падения Византии (1453) Константинополь вновь станет одним из центров православия и одной из резиденций «всеславянского царя» (русского императора), Тютчев облек в поэтическую форму еще на рубеже 1840—1850-х годов (все эти стихотворения — «Русская география», «Рассвет», «Пророчество» — в 1853 г. оставались неопубликованными); теперь же он ожидал скорого наступления «великого события, с такой любовью» им «взлелеянного»⁴.

В письме от 16/28 ноября 1853 г. Тютчев напоминал жене, что он «был, кажется, одним из первых, предвидевших настоящий кризис»⁵. Резкое обострение восточного конфликта — и даже возникновение англо-французско-турецкой коалиции против России — предсказывал Нессельроде (как показывают его служебные бумаги, датированные концом 1852 г.⁶). И хотя вице-канцлер не рискнул высказать свою точку зрения императору, который самолично вел переговоры с Сеймуром, можно полагать, что в узком кругу доверенных лиц он был гораздо откровеннее.

В этой обстановке у Тютчева возникла мысль о поездке в Европу. В неопубликованном письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 18 февраля 1853 г. он сообщал о попытках друзей выхлопотать для него назначение за границу: «Сегодня утром я ходил объясняться по этому поводу с Севериным и вот что узнал. Канцлер сам заговорил с ним обо мне и сказал, что очень желал бы что-нибудь для меня сделать. Но что именно? Вот в чем вопрос. И тут-то милейший Северин подал ему блестящую мысль предложить мне пост генерального консула в Лейпциге, но в какой-нибудь более пристойной форме, придав этому назначению видимость некоей литературно-дипломатической миссии (...). А я чувствую себя сейчас таким пресыщенным, таким усталым, мне все так безразлично, что я даже не дал себе труда рассердиться на это дурацкое предложение и с полнейшим хладнокровием объяснил Северину, почему, в моем положении, я не соглашусь на иное место за границей, кроме поста посланника. Однако, поскольку с другой стороны, высказывать подобную просьбу было бы с моей стороны глупо, я попросил передать канцлеру просьбу, чтобы он сохранил свои добрые намерения в отношении меня на будущее, а сейчас разрешил бы мне поехать в мае с дипломатической почтой в Париж и дал бы мне возможность отсутствовать, сколько понадобится, сохранив мне жалованье»⁷. Как нам представляется, отнюдь не только желание развеяться гнал Тютчева за границу: наступали те самые «минуты роковые» истории, которые побуждали его к активному образу жизни.

Из переписки Эрн. Ф. Тютчевой мы знаем, что первоначальное намерение обоих супругов выехать из России в конце мая 1853 г. не осуществилось. — Тютчев задержался в Петербурге, дожидаясь дипломатической почты, которую он должен был везти в Берлин и Париж (по-видимому, манифест о предстоящем занятии Дунайских княжеств). По расчетам Эрн. Ф. Тютчевой, ее муж — «вестник войны или мира» — прибывал в Берлин 16/28 июня; далее его путь лежал в Париж⁸.

Согласно информации, собранной Кастельбажаком и Сеймуром⁹, другая задача Тютчева состояла в «обработке» немецкой и французской прессы (последняя занимала крайне воинственную позицию по отношению к России). Р. Лэйн полагает, что пролить свет на этот воп-

КАРИКАТУРА НА НАПОЛЕОНА III

Литография В. Романова по рисунку Н. Степанова, 1855

Под рисунком подпись: «Французы!.. Империя есть мир, а подтверждение этой истины... позади вас... До свиданья! (Да здравствует Наполеон!)»

Литературный музей, Москва

рос могли бы только официальные документы о заграничной поездке Тютчева (которые доныне не обнаружены). Однако, на наш взгляд, о несостоятельности версии французского и английского послов в той части, которая относится к его пребыванию в Париже, убедительно свидетельствуют уже известные факты. Во-первых, начиная с 1837 г. подкуп парижских газет регулярно осуществлял по заданию III Отделения Я. Н. Толстой, давно обосновавшийся во Франции¹⁰, и очень маловероятно, чтобы Тютчев был послан дублировать его усилия (кроме того, в апреле — мае 1853 г. Н. Д. Киселев сообщал Нессельроде, что сам помещает — под чужим именем — прорусские статьи в парижской печати; Нессельроде одобрил действия своего посла). Во-вторых, — и это главное — еще до отъезда Тютчева из Петербурга было получено очередное донесение Толстого (от 6/18 июня), в котором говорилось: «Пресса вынуждена или воздерживаться или брать сторону турок. Это молчание обязательно не только для газет. Ни одна брошюра не смеет касаться турецкого вопроса, и вообще запрещено печатать что-либо противное политической линии, принятой правительством»¹¹.

Первая известная нам дата, связанная с пребыванием Тютчева в Париже, — 25 июня/7 июля 1853 г. В этот день Эрнестина Федоровна писала брату, что ее муж уже несколько дней находится в столице Франции¹². 1/13 июля в Париж приехал из Брюсселя Н. И. Греч¹³, давний знакомец Тютчева. Путешествуя по Европе, Греч регулярно посылал корреспонденции в «Северную пчелу», изданием которой во время его отсутствия ведал П. С. Усов¹⁴, с которыми Греч вел регулярную переписку, преимущественно делового характера. В письмах к нему из Парижа Греч трижды упоминает имя Тютчева. 14/26 июля он писал: «Вчера я виделся с Тютчевым и долго беседовал с ним о больших делах»¹⁵. В следующем письме (от 21 июля/2 августа) сообщалось: «Здесь был Тютчев и передал мне прилагаемые стихи для «Пчелы». Напечатайте, показав их Леонтию Васильевичу <Дубельту>. Напечатание их зависит от политических обстоятельств, о которых я отсюда судить не могу»¹⁶. И, наконец, в письме

от 1/13 сентября читаем: «Здесь многие предвкушают, что в случае войны у нас с турками вспыхнет общая война в Европе. Кто виноват? Уж, конечно, не Россия. Если бы лорд Редклиф не помешал визирю подписать ноту, требуемую Меншиковым, не было бы ничего¹⁷. Теперь пусть поплачиваются. Скажу вам, что точное понятие о делах этих получил я, увидевшись с Тютчевым»¹⁸.

Прежде всего отметим, что письма Греча позволяют восстановить, хотя и приблизительно, маршрут Тютчева и его хронологию: из Берлина он прибыл в Париж, где находился с начала июля (я. ст.) и до конца месяца¹⁹ (ср. в письме Греча от 14/26 июля: «Вчера я виделся с Тютчевым...»); в письме от 21 июля/7 августа: «Здесь был Тютчев...»); затем он направился в Германию, откуда 19/31 августа уехал в Россию²⁰.

Приведенные фрагменты из писем Греча примечательны еще и в другом отношении. Компетентность Тютчева в вопросах политики — вот что бросалось в глаза Гречу, который вовсе не испытывал недостатка в разнообразных собеседниках. Он, в частности, навещал в Париже «старинного своего друга» Я. Н. Толстого²¹, но даже этого профессионального знатока французской политической кухни — как и никого другого — Греч не мог поставить рядом с Тютчевым, единственным, кто дал ему «точное понятие» об истинном ходе вещей. Причем Тютчев отнюдь не был в близких отношениях с русским послом (Киселев встретил его настроенно и не стремился открыть перед ним двери своего дома²²), а от контакта с многознающим Толстым он сам уклонился: «О Тютчеве я вам ничего сказать не могу, — писал Толстой П. А. Вяземскому 24 августа/5 сентября 1853 г., — я искал случая с ним видетсья; но не мог успеть в своем желании, хотя я с ним знаком был 30 лет тому назад; но он, будучи в Париже, не посетил меня, следовательно, не пожелал возобновить знакомства, и я, пожалав плечами сказал: «Да мимо идет чаша сия!»²³. Нет также сведений о встречах Тютчева с французскими политическими деятелями или журналистами — об их отсутствии косвенным образом свидетельствуют его постоянные сетования на скуку, зафиксированные в переписке родственников²⁴.

В этой связи можно сделать два предположения. Либо Тютчев обладал некоей конфиденциальной информацией (источник которой остается для нас загадочным), либо Греч был поражен его аналитической и прогностической способностью — той хорошо известной в петербургских салонах «провидческой» речью Тютчева, о которой лишь до некоторой степени дают представление его письма в канун и во время Крымской войны.

Как бы то ни было, находясь в Париже, Тютчев еще отчетливее ощутил приближение «общей войны в Европе». Нет сомнения, что встретившись на обратном пути из-за границы с Нессельроде (их свидание состоялось между 5 и 7 сентября ст. ст. в Ковно²⁵), Тютчев подробно изложил ему свои впечатления, однако в это время ни вице-канцлер, ни сам император уже не владели политической инициативой. 9/23 сентября 1853 г. английский премьер-министр лорд Абердин распорядился — в нарушение Лондонской конвенции 1841 г. — ввести английские военные корабли в Босфор и Дарданеллы независимо от того, последует или нет объявление войны со стороны Турции, 8/22 октября англо-французская флотилия вошла в проливы; на следующий день Турция начала военные действия в придунайских областях и на Кавказе.

Судя по письму Греча от 1/13 сентября, в июле 1853 г. Тютчев сохранял веру в успешное для России разрешение восточного конфликта. И, несмотря на трезвую оценку действий тех, кто руководил страной, свергнутой в Крымскую войну, он еще некоторое время сохранял эту иллюзию.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «История дипломатии», т. I. М., 1941, с. 433—435 (раздел написан Е. В. Тарле); I. S. H u g e w i t z. Diplomacy in Near and Middle East. A Documentary Record. N. Y., 1972, p. 135—141.

² «История дипломатии», т. I, с. 438; В. Н. В и н о г р а д о в. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985, с. 258—259. Неуспех посольства Меншикова в значительной степени был предопределен тем обстоятельством, что «негласным, но неоспоримым руководителем турецкой внешней политики» являлся английский посол в Константинополе Ч. Стрэтфорд-Каннинг (с 1852 г. лорд Редклифф), известный своим враждебным отношением к России (там же, с. 254).

³ СН, кв. XVIII, с. 47.

⁴ Там же.

⁵ Соч. 1984, т. 2, с. 203.

⁶ А. М. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. I. Приложения. СПб., 1908, с. 355—356.

⁷ ГБЛ, ф. 308, л. 22; на франц. яз. — Сообщено К. В. Пигаревым; пер. Н. И. Филипович.

⁸ Современники о Тютчеве, № 115, 117.

⁹ Тютчев, не подозревавший о специфическом интересе французского посла к своей персоне, характеризовал его как «честного и славного Кастельбажака» (СН, кн. XVIII, с. 61); по всей вероятности, они были знакомы.

¹⁰ Е. В. Тарле. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение. — Е. В. Тарле. Соч. в 12 томах, т. VI. М., 1959, с. 563—644.

¹¹ Там же, с. 639. О запрете на любые публикации в пользу России Толстой сообщал также Вяземскому в письме от 16/28 июля 1853 г. (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2863, л. 30об.).

¹² Современники о Тютчеве, № 117.

¹³ Н. Греч. Письма с дороги П. С. Усову. — «Северная пчела», 1853, № 170, 3 августа, с. 678.

¹⁴ Павел Степанович Усов (1828—1888) — сотрудник «Северной пчелы» с 1849 г.; в 1860 г. он стал ее издателем. В мемуарах Усова есть характеристика Тютчева-цензора («Из моих воспоминаний». — ИВ, 1882, № 1, с. 126).

¹⁵ ИРЛИ, ф. 319, ед. хр. 21, л. 35об.

¹⁶ Там же, л. 37. Речь идет о стихотворении П. А. Вяземского «Песнь русского ратника» (Современники о Тютчеве, № 119).

¹⁷ См. выше, прим. 2.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 319, ед. хр. 21, л. 59.

¹⁹ Кратковременные выезды Тютчева во Франконвиль и Энглен (Современники о Тютчеве, № 117, 118) здесь не учитываются.

²⁰ Современники о Тютчеве, № 122.

²¹ ИРЛИ, ф. 319, ед. хр. 21, л. 40 (из письма к П. С. Усову от июля 1853 г.).

²² Современники о Тютчеве, № 118.

²³ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2863, л. 33об. Ранее о знакомстве Тютчева с Я. Н. Толстым не было известно. Указание Толстого позволяет датировать это знакомство февралем — маем 1822 г., когда Тютчев некоторое время жил в Петербурге.

²⁴ Современники о Тютчеве, № 118, 120.

²⁵ СН, кн. XVIII, с. 52—53.